

От автора

Данное пособие предназначено учителям, которые занимаются подготовкой учащихся 11 класса к Единому государственному экзамену по истории. Также книга может стать хорошим подспорьем для подготовки к олимпиадам и факультативным занятиям.

И на выпускном экзамене, и на олимпиаде от учеников требуется не только грамотно ответить на вопросы с выбором ответа, но и выполнить ряд разнотипных, различных по уровню сложности познавательных заданий.

Предлагаемый сборник позволит ученикам отработать усвоенный материал по основным разделам школьного курса истории при выполнении познавательных заданий и задач. В процессе работы над актуальными проблемами истории, выполнения различных заданий происходят дальнейшее пополнение знаний, их систематизация, а также развитие умений школьников, что необходимо для успешной сдачи вступительных экзаменов и дальнейшего обучения в вузе.

Пособие разработано на основе федерального компонента Государственного стандарта среднего (полного) общего образования. Кроме теоретических материалов, книга содержит познавательные и тестовые задания, которые направлены на формирование умений и навыков в определении признаков понятий, установлении соответствия, составлении сущностной характеристики, оценки верности суждения, сопоставлении двух суждений. В сочетании теоретического и практического уровней изучения предмета состоит особенность данной книги.

В основу учебно-методической разработки положены следующие принципы:

- соответствие требованиям современного школьного исторического образования;

- расширение и обобщение в актуализирующем плане знаний учащихся по истории России;
- изучение истории Отечества в контексте мировой истории;
- усиление внимания к социально-психологическим аспектам исторического бытия;
- формирование у школьников умения работать с различными историческими источниками, способности вырабатывать собственную позицию, создание условий для получения опыта оценочной деятельности исторических событий и явлений.

Цель пособия: углубление специальной подготовки учащихся по предмету, повторение и систематизация знаний посредством работы над проблемными задачами и тестовыми заданиями.

Задачи пособия:

- формирование и закрепление системы научных (логических и образных) знаний и представлений обо всех достаточно значимых событиях, явлениях и процессах отечественной истории XX в.;
- создание мыслительной и эмоционально-волевой основы для применения на практике полученных знаний по предмету;
- развитие умений и навыков работы с заданиями разной степени сложности.

В течение учебного занятия организуются повторение исторического материала по заявленной теме (основные даты, события, понятия, персоналии, причинно-следственные связи, обобщение знаний с помощью тематических мультимедийных презентаций), совместная работа над проблемными задачами и тестовыми заданиями разноуровневого характера. Это позволяет школьникам продвигаться от простого к сложному, систематизируя знания, развивая умения анализа, сопоставления, оценки информации. Учащиеся при этом получают возможность проводить своего рода исследования, осуществлять самостоятельный поиск решений, обмениваться мнениями, приходя к верному решению.

Методы и формы организации учебной деятельности

Особенность обучения истории заключается в том, что она призвана не только передавать знания, но и обеспечивать воспитание нравственности и исторической культуры, что означает формирование уважительного отношения к людям, окружающему миру, чувства законности и справедливости. Такое воспитание требует методов, воздействующих на эмоциональную сферу личности.

Практика преподавания и изучения содержания истории показывает, что ее усвоение школьниками наиболее эффективно там, где широко используются активные и интерактивные формы проведения занятий.

Активные методы обучения, в отличие от традиционных, предполагают непосредственное участие обучаемых в формировании необходимых знаний, навыков и умений. Монолог учителя при этом сменяется диалогом. Основной формой работы становится групповая.

К числу активных методов можно отнести:

- **метод конкретных ситуаций** предполагает овладение знаниями на основе поиска выхода из определенной практически значимой для обучаемых учебно-познавательной ситуации;
- **метод инцидента** — овладение знаниями на основе поиска выхода из профессионально важной ситуации в неблагоприятных условиях (дефицит времени, информации, аварийная ситуация и др.);
- **метод мозговой атаки** (мозгового штурма, генерации идей и др.) предусматривает групповое решение учебно-познавательной задачи в ограниченное время путем выдвижения определенных гипотез без анализа логики их формирования и содержания;
- **челночный метод** предполагает решение учебной проблемы с одновременным выдвижением идеи и ее критическим анализом;
- **метод деловой (ролевой) игры** — комплексное решение определенной практически значимой учебно-познавательной задачи на основе выполнения обучаемыми ролей различных специалистов;
- **метод погружения** предусматривает интенсивное овладение учебным материалом в результате его длительного комплексного воздействия на обучаемых.

Интерактивные методы предполагают изменение схемы коммуникации. Учитель выступает в качестве организатора процесса обучения и консультанта, но ни в коем случае не является его центром. Главными в коммуникации становятся взаимные связи между учащимися, их взаимодействие и сотрудничество. При этом результат достигается взаимными усилиями всех участников образовательного процесса.

Такой способ работы представляется наиболее эффективным и продуктивным, хотя ставит перед преподавателем целый ряд

сложных проблем. Назовем некоторые методы работы, которые можно использовать на занятиях:

- деловая (ролевая) игра;
- работа в парах и группах;
- мозговая атака;
- общая дискуссия;
- дебаты;
- дискуссия по типу «аквариум»;
- проекты;
- работа над понятиями;
- анализ документов;
- интервьюирование.

Рекомендуется также применять педагогические технологии, такие как технология критического мышления и технология проблемного обучения.

А. Технология критического мышления

Данная технология основана на творческом сотрудничестве ученика и учителя, на обучении учащихся аналитическому подходу к любому материалу. Эта технология рассчитана не на запоминание материала, а на постановку проблемы и поиск ее решения. Основы методики включают в себя три стадии. Это стадии вызова, осмысления и размышления.

- Первая стадия — актуализация имеющихся знаний учащихся, пробуждение интереса к теме; именно здесь определяются цели изучения материала. Для этого используют различные приемы: мозговой штурм, наработку различных версий в отношении изучаемого материала. На основе имеющихся знаний учащиеся могут строить свои прогнозы, определять цели познавательной деятельности на данном уроке.
- Вторая стадия — осмысление нового материала (новой информации, идеи, понятия). Здесь происходит основная содержательная работа ученика с текстом, причем текст следует понимать достаточно широко, это может быть исторический документ или любой другой исторический источник, а также речь учителя, видеоматериалы и др. В процессе работы ученика с новой информацией используются чтение текста с остановками, маркировки текста символами, составление таблиц.
- Третья стадия — размышление или рефлексия. Здесь ученик осмысляет изученный материал и формирует личное мнение, отношение к изучаемому материалу. На данной

стадии возможны проведение дискуссии, написание исторического сочинения, эссе, фиксация рассмотренного материала в виде собственных выводов, записей в тетради, составления схемы.

Б. Технология проблемного обучения

Обучение заключается в создании проблемной ситуации, в осознании и разрешении этой ситуации в ходе совместной деятельности обучающихся и учителя, при оптимальной самостоятельности учеников и под общим направляющим руководством учителя, а также в овладении учащимися в процессе такой деятельности знаниями и общими принципами решения проблемных задач. Принцип проблемности сближает процесс обучения с процессами исследования, творчества.

Данная технология как метод чаще всего использует *дискуссию*. Что это за метод и для чего он нужен?

Он помогает организовать работу по исследованию и анализу изучаемых вопросов. Дискуссия — это возможность развивать умения слушать, говорить по очереди, воспитывать толерантность. Чтобы дискуссия была откровенной, важно создать в классе атмосферу доверия и взаимного уважения.

Как используется метод?

Следует объяснить классу, что можно достичь общего понимания правил слушания и выступления, познакомить учащихся с принципами ведения дискуссии, а также предложить им соблюдать эти правила и строго им следовать.

Принципы ведения дискуссии:

- слушать того, кто говорит;
- говорить может только один человек;
- поднимать руку, если есть желание выступить;
- не прерывать того, кто говорит;
- при несогласии с кем-либо критиковать мнение, но не того, кто его высказывает;
- не смеяться, когда кто-либо говорит;
- поощрять к участию в дискуссии.

Еще один метод — это *погружение в историю*.

Что это за метод и для чего он нужен?

Метод погружения предполагает непосредственное соприкосновение учащихся с традициями, обычаями, документами изучаемого периода истории. Использование данного метода заметно активизирует познавательный интерес учащихся. Благодаря погружению создается целостная картина какого-либо этапа, эпохи или периода. Учащиеся получают большое эмоциональное

удовлетворение от урока, начинают активнее участвовать в различных формах работы, привлекают дополнительный материал и источники, демонстрируют явное желание усовершенствовать свои знания по предмету.

Описанные технологии и методы позволяют учителю выступать в качестве организатора, ведущего, помощника, который предоставляет учащимся самостоятельность в принятии решения, т. е. осуществляет **учебное сотрудничество**.

Тематическое планирование

№ занятия	Тема	Формы занятий	Кол-во часов
1	Проблемы модернизации России в начале XX в.	Практикум (1 ч). Дискуссия с элементами моделирования (1 ч)	2
2	Был ли неизбежен Октябрь 1917 г.?	Практикум (2 ч). Дискуссия в форме круглого стола (2 ч). Лекция (2 ч)	6
3	Гражданская война: новые подходы	Пресс-конференция (2 ч). Дискуссия (2 ч)	4
4	Индустриализация и командно-административная система	Практикум (2 ч). Урок-«киностудия» (деловая игра-обсуждение) (2 ч)	4
5	Коллективизация – трагедия крестьянина-труженика?!	Практикум (2 ч). Урок-версия (1 ч). Урок «судебное разбирательство» (1 ч)	4
6	Триумфальное поражение? (Размышление о советско-финской войне)	Практикум (1 ч). Урок-альтернатива (1 ч)	2
7	Споры вокруг версии о готовящемся превентивном ударе СССР по Германии	Практикум (1 ч). Семинар с использованием видеоматериалов (2 ч)	3
8	Страх или свобода?	Урок-исследование (2 ч)	2
9	От «горячей войны» к «холодной», или Мир, расколотый надвое	Практикум (1 ч). Деловая игра-обсуждение (2 ч)	4

№ занятия	Тема	Формы занятий	Кол-во часов
10	Если бы ГКЧП пришел к власти в августе 1991 г...	Практикум (1 ч). Проблемно-проектная дискуссия (2 ч)	3
	Итого:	Практикумы – 12 ч. Семинары – 2 ч. Дискуссии – 5 ч. Лекции – 2 ч. Моделирование – 2 ч. Нетрадиционные уроки – 11 ч	34

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Тема 1. Проблемы модернизации России в начале XX в. (2 ч)

Задачи: охарактеризовать и проанализировать первую и вторую волну модернизации; выявить особенности российского варианта модернизации с учетом взаимосвязи и взаимовлияния экономических, внутренних и внешнеполитических факторов; рассмотреть проблемы модернизации России начала XX в. и вырабатывать свой взгляд на пути и варианты развития страны; обсудить варианты модернизации нашей страны в конце XX в.

Понятия, отвечающие профильному характеру обучения: модернизация, органическое и догоняющее развитие стран, антиглобализм.

Основные положения: Россия — «развивающееся общество» на рубеже XIX–XX вв. «Зависимое развитие». Концепция Эванса. Анализ возможностей быстрого развития страны. Три группы стран и их роль в мировом экономическом процессе. «Германский путь» Н.Х. Бунге, И.Л. Вышнеградского, С.Ю. Витте. Попытки внедрения «британской модели» С.Ю. Витте и причины неудачи. Альтернатива однолинейному объяснению проблемы модернизации России начала XX в.

Ресурсные материалы

Россия на окраине Европы.

Исторический анализ событий начала XX в.

После 1917 г. Россия для всего мира стала, прежде всего, страной, где начался особый социалистический эксперимент, как бы к нему ни относились. Российская революция не давала о себе

забыть — каждый выпуск новостей нес новые драматические или гротескные напоминания. Это, с одной стороны, способствовало возникновению ряда телеологических интерпретаций российской истории (все, что произошло, должно было произойти), а с другой стороны, породило утверждения, что все это результат случайностей, путаницы и невезения. Ретроспективный взгляд позволяет лучше понять революционные преобразования в России и попытки «строительства социализма» в других странах. Вопрос только в том, насколько недавние дискуссии о природе так называемых развивающихся обществ могут пролить свет на историю России/СССР. Социальные и экономические условия никогда не повторяются в точности, однако идентичность, конечно же, вовсе не является условием сравнительного анализа.

На рубеже XIX–XX вв. Россия была «развивающимся обществом», возможно первым в этой категории. Этот вывод не опровергает ни развития «классического капитализма» в России, ни уникальности ее истории. Несмотря на наличие и того и другого, основные характеристики явления, которое через несколько поколений получит название «зависимого развития», все более проявлялись в России. Влияние иностранного капитала получало выражение в повышенном интересе к проблемам «типов развития», «отставания», «разрыва» и экономического «роста», а также накопления капитала, суверенитета и иностранного финансового присутствия. К тогдашним российским условиям применима концепция Эванса, утверждающая наличие «тройственного союза» капиталов, управляющих промышленностью в Бразилии 1970-х годов, — иностранного, государственного и местного, а также параллельная тенденция со стороны руководителей государства к отождествлению промышленности с прогрессом и вестернизацией. Налицо были стрессы экономических и социальных разбалансированностей и резких классовых различий. Крупнейшие предприятия, особенно шахты, часто входили в международные экономические структуры и имели лишь ограниченное отношение к той экономике, в рамках которой существовало большинство россиян. Значительная «недозанятость» в масштабе всей страны сопровождалась нехваткой квалифицированных и «надежных» рабочих кадров. Крупнейшие заводы Европейской России, на которых большинство рабочих составляли полукрестьяне, существовали бок о бок и были связаны с ручными ремеслами и первобытными методами ведения сельского хозяйства. Развитие промышленности, урбанизация и повышение грамотности сопровождались углублением пропасти между со-

циальными «верхами» и сельской и городской беднотой. Грубая и неприкрытая эксплуатация, огромная степень государственного контроля, репрессии в случае любого неповиновения — все это вызывало рост политического недовольства и сопротивления, выразившегося как в скрытом возмущении низов, так и в протестах интеллигенции.

В России того времени возможности для быстрого экономического развития и преобразования, которые особенно проявились в периоды промышленных рывков 1892—1899 гг. и 1909—1913 гг., были в целом лучше, чем в современных «развивающихся странах». Сильное и высокоцентрализованное Российское государство было в состоянии мобилизовать значительные ресурсы и до определенной степени сдерживать иностранное политическое и экономическое давление. Повышение мировых цен на продукты питания, и в особенности на зерно, обеспечило в этот период активный платежный баланс и способствовало процессу национального капиталообразования. Существует точка зрения, в соответствии с которой сами размеры страны могут также являться преимуществом, способствующим быстрому экономическому развитию. Многочисленное население как потенциальный потребительский рынок, огромная территория России и ее природные богатства в соответствии с этой точкой зрения должны были способствовать экономическому росту. Азиатская часть России могла играть роль одновременно Британской Индии и американского Дикого Запада.

Однако было мало шансов, что эти благоприятные, т. е. способствующие подъему, экономические условия в России сохранятся надолго. Даже в 1913 г. 67% объема экспорта в стоимостном выражении составляло сельскохозяйственное сырье, а все остальное — полезные ископаемые. Однако после Первой мировой войны условия внешней торговли для сырья и в особенности для пищевых продуктов стали ухудшаться. Основной фактор, обеспечивающий российский активный платежный баланс, и «двигатель» внутреннего рынка России подошел к точке, с которой начался долговременный спад.

Второй источник активного платежного баланса, капитало-вложений и экономического развития был внешним (т. е. определялся политикой поощрения иностранных инвестиций и резкого увеличения внешнего долга правительства). Многие считали, что без притока иностранного капитала быстрое развитие российской промышленности будет невозможно. По существующим оценкам, иностранные вложения за период 1898—1913 гг. соста-

вили 4225 млн руб., из которых около 2000 млн руб. приходилось на государственные займы. Влияние иностранного капитала росло. В частности, в то время как за период с 1881 по 1913 г. около 3000 млн руб. были вывезены из России в качестве доходов с иностранного капитала, крупные средства были реинвестированы. К 1914 г. в России было 8000 млн руб. иностранных инвестиций. Сюда входят средства двух третей российских частных банков, принадлежавших иностранному капиталу, а также значительное количество шахт и крупных частных промышленных предприятий. Вот как одно поколение спустя Г.И. Мирский обобщил фактические и потенциальные результаты этого процесса: «К 1914 г. Россия проделала значительный путь в сторону того, чтобы стать полуколониальным владением европейского капитала». Уже к 1916 г. военные расходы более чем удвоили внешний долг страны, и это было только начало. Кроме того, война значительно усугубила технологическую зависимость России от ее западных союзников. Если бы ей «не помешали», Россия после Первой мировой войны столкнулась бы с крупнейшим и разрастающимся кризисом погашения внешнего долга и дальнейших займов, чтобы выплатить старые долги, дивиденды и оплатить иностранные патенты и импортные поставки. Подобный сценарий хорошо известен на примере современной Латинской Америки, Африки и Азии. Его разыграли Бразилия, Нигерия, Индонезия.

К концу XIX в. среди образованных слоев России росло осознание назревающего кризиса. Споры, которые велись тогда, во многом напоминают дискуссии 50–60-х годов XX в., проходившие в исследовательских центрах ООН. Однако время конца XIX в., конечно, было другим. В отношении царской России вряд ли однозначно можно говорить о железном законе спада или об очевидности продолжения экономического бума 1909–1913 гг., т. е., выражаясь языком нашего поколения, о варианте теории «зависимого развития» или о модернизации. Россия в своем социально-экономическом развитии пыталась угнаться за временем, и никто не мог сказать, каким будет финал этой гонки. Цифры свидетельствуют, что на всем протяжении рассматриваемого периода Россия не догоняла своих западных соперников, но в то же время разрыв между ними не увеличивался. Между 1861 и 1913 гг. темпы роста национального дохода на душу населения в России приблизительно соответствовали средним европейским показателям и были в два раза ниже, чем в Германии. Российские показатели роста национального дохода были выше, чем средние показатели неевропейских стран, однако значительно ниже, чем

в США и в Японии. Ожидалось дальнейшее ухудшение шансов России в этой гонке, что придавало фактору времени особую важность. В подобной ситуации также имеет значение не только матрица причин, тенденций и объективных факторов, но и фактор сознания, т. е. активный поиск альтернатив властями, желание найти силы, на которые можно рассчитывать, понимание задач, которые предстоит решить.

Для государственных деятелей, которые считали необходимой модернизацию, а революцию полностью исключали, будущее представлялось как альтернатива между быстрым экономическим развитием по германскому образцу, с тем чтобы войти в круг ведущих индустриальных обществ, и политическим и экономическим упадком до положения Китая, т. е. общества бедности и растущих внутренних противоречий, легкой добычи для сильных иностранных империалистов. Имея опыт последнего поколения, такое видение альтернатив представляется нам не вполне адекватным, однако реалистичным. В рамках этих понятий можно рассмотреть основные аспекты российской истории.

Чтобы правильно относиться к подобным сравнениям, важно отметить, что Россия вступила в XX в. в то время, когда реальные капиталистические общества все меньше напоминали модель так называемого классического капитализма (т. е. обобщенную модель Англии 1780—1870 гг.). Понадобилось целое столетие, чтобы теоретики общественных наук осознали, что социальные черты британской «промышленной революции» больше не повторяются. Практическим политикам и экономистам понадобилось меньше времени, чтобы понять это.

Первый проблеск нового прагматического понимания этих вопросов появился в среде правящих элит Германии, Японии и России. К тому времени обозначилась третья промежуточная группа стран, помимо удачливых «призеров» (т. е. тех стран, которые воспользовались плодами раннего развития торгового, промышленного и колониального капитализма) и прочих (часто колонизированных) народов. Эта третья группа состояла из стран, которые достигли порога широкомасштабной индустриализации несколько позднее, чем «призеры», но чья экономика не была искажена недавним иностранным завоеванием и колониализмом — прямым или косвенным.

Этот список возглавляли США, которые, однако, и в этой группе стран стояли особняком благодаря особо благоприятным условиям. За исключением южных районов, где экономика основывалась на рабовладении и выращивании хлопка, в этой стране

не было сильных и укорененных докапиталистических классов, институтов и традиций. Она была достаточно удалена от Европы, чтобы уберечься от политических противоречий и войн, и в то же время находилась достаточно близко, чтобы пользоваться ее рынками, рабочей силой и опытом. Своим ростом она во многом была обязана труду независимых мелких фермеров на «открытых границах» (т. е. на землях, населенных малочисленными народами, которые можно было победить, запереть в резервациях или истребить). Штатам также благоприятствовало ослабление британского, французского и немецкого контроля, проявившееся в схватке за мировое господство во время Первой мировой войны.

Костяк стран третьей группы составляли Германия, Япония и Россия, причем Россия стояла здесь на последнем месте по своим социально-экономическим и политическим показателям и достижениям. Несмотря на многие различия, касающиеся прошлого и настоящего этих стран, все они имели ярко выраженные сходства в правительственной политике и идеологии. Их политика и идеология определялись стремлением избежать зависимости (как бы мы это назвали сегодня) и «аккумуляции недостатков» путем мощного государственного вмешательства, направленного на обеспечение быстрой индустриализации. Это предполагает сильное, активное и диктаторское правительство, которое бы успешно противодействовало внешним нажимам и в то же время контролировало бы внутренние политические проблемы, будь то социалистическая агитация, требования этнических меньшинств или даже реакционные выступления со стороны правящего класса землевладельцев. Цель была одна: прогресс — не мытьем, так катаньем, модернизируя армию, способствуя накоплению капитала, индустриализации, отодвигая сельское хозяйство на вторые роли в экономике страны.

На протяжении трех десятилетий российское правительство упрямо следовало «германским путем». Бунге, Вышнеградский, Витте, Коковцев, сменявшие друг друга на посту министра финансов, проводили политику «направляемого» экономического развития и активного государственного вмешательства, в рамках которого центральная роль отводилась всемерной поддержке национальной промышленности. Правительственная политика способствовала извлечению высоких доходов промышленниками, сохранению низкой заработной платы рабочих и выжиманию соков из крестьянской экономики путем поддержания разрыва цен на промышленные и сельскохозяйственные товары ради накопления городского капитала.

Однако, несмотря на все усилия, наличие примера для подражания и амбиции, за Германией Россия угнаться не смогла. Вначале это проявилось в международных политических и финансовых конфликтах. Из ведущей мировой державы Россия первой половины XIX столетия к концу века превратилась в государство второй категории. За поражением в Крымской войне 1854—1855 гг. последовали дипломатическое поражение от европейских государств на Берлинской конференции в 1878 г., военное поражение от Японии в 1905 г. и дипломатическое отступление под давлением Австро-Венгрии на Балканах в 1908 г.

Все эти удары свидетельствовали о растущей слабости России на международной арене и ослабляли ее еще больше. В то же время жестокий экономический кризис, потрясший Россию на рубеже веков, показал, насколько неустойчивым был ее экономический рост. К внутренним проблемам России добавлялись социальные и этнические противоречия и революционный напор. Таким образом, в ситуации, когда нарастал политический и экономический кризис и ослаблялись позиции российского самодержавия на международной арене и внутри страны, политические проекты Витте по превращению России во вторую Германию вряд ли были достаточно обоснованными.

С учетом вышесказанного ясна важность второй стороны дилеммы Витте — «Германия либо Китай». Китай того времени олицетворял для современников угасание древнего величия и являл собой типичный пример жертвы иностранных политических и экономических хищников, подпадая под все большую зависимость и эксплуатацию. Там действовали порочные круги обнищания масс, стремительного роста населения, превышающего наличные ресурсы, и роста «компрадорского» слоя экономических агентов западных компаний. Разделы Китая становились любимым времяпрепровождением имперских генералов и международных конференций. Чем менее походила Россия на Германию, тем образованному российскому слою того времени все реалистичнее казались сравнения ее с Китаем (т. е. типичной страной, названной позже развивающейся). Россия была первой страной, в которой синдром подобных условий и проблем появился в ситуации многовековой политической независимости, успешного в прошлом соперничества с более «передовыми» западными соседями и наличии многочисленной интеллектуальной элиты, европейски образованной, обеспокоенной общественными вопросами и вовлеченной в радикальную политическую деятельность. Вот почему России суждено было

стать первой развивающейся страной, которая начала осознавать себя таковой.

Как это часто случается, новая драма разыгрывалась в старых терминологических костюмах. Кроме того, новое понимание проявлялось в основном в политических стратегиях и решениях, а не в академических трактатах. Фактические правители государства начали осознавать, что теория, основанная на «классическом капитализме», даже кое-как приспособленная к условиям страны, не годится для того типа общества, которым была или становилась Россия.

Первая поправка к классической теории и соответствующей государственной политике капитализма была отрефлексирована Фридрихом Листом, воплощена Бисмарком и усвоена всей «средней группой» стран капиталистического развития. Лист подверг сомнению основополагающую посылку британской, т. е. классической, политической экономии, касающуюся взаимных выгод свободной торговли. Он полагал, что необходим переходный период протекционизма, который обеспечит «взросление» германской промышленности, прежде чем она сможет свободно конкурировать с британской. Таким образом, он защищал резкое государственное вмешательство в рынки и финансы. Многие российские экономисты-практики пошли по пути, предложенному Листом. Витте лично перевел книгу Листа и приказал своим чиновникам и помощникам изучить ее. Тем не менее, перенесенные на российскую почву, рецепты Листа не привели к тем же результатам, что в Германии. Кризис общества и его осмысление правительством достигли своего апогея во время революции 1905–1907 гг., что отразилось в новом пакете стратегий общественной перестройки. Без него невозможно понять Россию тех дней, как и, наоборот, эта стратегия постигается только в свете опыта современных «развивающихся обществ».

Именно в России определилась «вторая поправка» к исходной теории «классического капитализма», и она нашла теоретическое выражение и полигон для нового типа «революции сверху» в столыпинских реформах. Революционная эпоха в России была взаимосвязана с концептуальными революциями, принявшими как данное то, что в странах, где индустриализация проходила позднее, она не могла быть стихийной, как в Англии, что уже утверждал Лист. Однако его рецепт дополнили: протекционистское государственное вмешательство в обществе типа России могло сработать только через коренную перестройку социальной ткани. Необходима была «революция сверху», чтобы устранить препят-

ствия, связанные с системой организации общества и государства, на пути развития капитализма. Таким образом, столыпинский этап (вторая поправка к классической теории) должен был предшествовать листовскому этапу (первой поправке к классической теории), и лишь после осуществления обоих развитие страны типа России можно было направлять в русло классической теории Смита и Рикардо.

На этом эксперименты в российской истории не закончились. За столыпинской «революцией сверху» быстро последовала ее противоположность — в 1917 г. произошла первая «революция снизу», революция нового типа, опять-таки характерная для «развивающихся стран», которая была задумана и осуществлена с учетом уроков революционного опыта 1905–1907 гг.

Поэтому не случайно, что, в то время как многочисленные западные интеллектуальные моды приходят и уходят, аналитические взгляды, выражающие российский опыт начала века, сохраняют удивительную стойкость. Идет ли речь о вопросах экономического роста или о социальных группах в «развивающихся обществах», будь то крестьяне, государственный аппарат или интеллигенция, об элитах или революционных кадрах, об аграрной реформе, накоплении капитала или скрытой безработице. Поэтому слова Витте и Ленина, Столыпина и Сталина звучат и сегодня так, словно они обращены к нынешним политикам и борцам по разные стороны идеологических баррикад в развивающихся странах во всем мире. В значительной степени этими людьми и был представлен практически весь поныне существующий спектр альтернативных стратегий, теоретических и практических.

Итак, специфические черты России как «развивающегося общества» обусловили значительное отличие ее социальной структуры от других «догоняющих» стран в процессе индустриализации (т. е. США, Германии и Японии) и принадлежность ее к иной категории общественного развития. Виднейшие западные историки России обычно придерживаются другой точки зрения. Для Гершенкрона, самого авторитетного американского специалиста по экономической истории России, «в количественном отношении различия были огромны, однако... основные элементы отсталой экономики в целом в России были те же в девяностых годах [XIX в.], что и в Германии в тридцатых годах» [XIX в.]. Позже работы фон Лауэ развили однолинейную модель истории, отбрасывая не вполне логичные, но интеллектуально продуктивные искания Гершенкрона и утверждая вместо них обусловленность

развития России сугубо внешними причинами. Для него Россия представляла склон горы, вершина которой была в Европе.

Несмотря на отличие цитируемых авторов, источников и используемой терминологии, в советской науке решались схожие вопросы и велись подобные дискуссии, которые строились в основном вокруг вопросов об иностранном капитале и его роли, о действительной степени экономического прогресса в предреволюционной России, о сохранившихся «феодальных пережитках» и т. д. В области аграрной истории разворачивались особенно жаркие споры, что объясняет ее важность в рамках общей дискуссии и в академических столкновениях прошлого, настоящего и, несомненно, будущего. Никто не попытался применить модель «развивающихся обществ», чтобы предложить альтернативу однолинейному объяснению, однако все, кто подчеркивал своеобразие социальных преобразований в российской деревне, «полуфеодализм» или «особенности эпохи империализма», в сущности, выражали ту же идею. Ленинское любимое ругательство «азиатчина» в применении к России никогда не было должным образом оценено по существу, однако многократно повторялось советскими учеными, чтобы подчеркнуть своеобразие российского капитализма, его «половинчатую» природу, т. е. не вполне капиталистическую и не вполне западноевропейскую. Фундаментальные различия и споры по существу часто скрывались за количественными определениями, т. е. для кого-то капитализм был очень «полу-», для кого-то менее «полу-» и совсем не «полу-» для тех, кого уже Маркс назвал «русскими поклонниками капиталистической системы» (т. е. российских последовательных эволюционистов).

Отголоски принципиального несогласия среди советских историков слышны были также в обсуждении вопроса об «империалистической стадии капитализма» в России.

Задания для практической работы

1. Россию, наряду с Германией, Японией, Италией, Центральной и Юго-Восточной Европой, некоторые историки относят к странам второго эшелона капиталистического развития. Как вы считаете, дает ли приблизительное представление об историческом месте России в мировом сообществе на рубеже веков эшелонная теория развития капитализма? (*Куманев В.А. Тридцатые годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991. С. 19.*)

2. В конце XIX — начале XX в. в России шло ускоренное строительство железных дорог; была введена винная монополия — ис-

ключительное право государства на продажу спиртных напитков; введен «золотой стандарт», т. е. свободный обмен рубля на золото; установлен протекционистский таможенный тариф на ввоз иностранных товаров.

С именем какого государственного деятеля тогдашней России (И.А. Горемыкин, П.А. Столыпин, С.Ю. Витте, И.А. Вышнеградский, В.Н. Коковцев) связаны эти важные социально-экономические преобразования?

Тема 2. Был ли неизбежен Октябрь 1917 г.? (6 ч)

Задачи: охарактеризовать и проанализировать возможности исторического выбора России в 1917 г.: либеральный и революционный; познакомить с историографией проблемы; попытаться смоделировать варианты развития России в 1917 г.; выяснить причины победы большевиков.

Понятия, отвечающие профильному характеру обучения: историческая доктрина, объективные и субъективные предпосылки, ментальность социальных слоев, радикализация масс.

Основные положения: 1917 г.: возможность исторического выбора. Оценки событий 1917 г. западными историками. Идеологическая доктрина событий Октября 1917 г. в СССР. Взгляды на Октябрь современных российских историков. Выявление и анализ альтернатив: Керенский, Корнилов, Ленин. Причины краха послефевральской демократии и победы большевиков.

Ресурсные материалы

Вопрос о закономерности Октября 1917 г. давно занимает умы людей. Например, *А.И. Солженицын* говорил, что с 1917 г. «мы стали еще заново и крупно платить за все ошибки нашей предыдущей истории». *С.А. Аскольдов* справедливо отмечал, что основной чертой революции является особая психология «народных масс, чувствующих себя вершителями своей новой исторической судьбы». *Н.А. Бердяев* вносил предположение об антинациональности русской революции, *А. Тойнби* связывал события 1917 г. с традициями византийского тоталитаризма.

Что же произошло в далеком 1917 г.? Генерал С. Булгаков утверждает, что русские, потеряв свое лицо вместе с чувством достоинства, просто стали инородцами относительно самих себя.

А может, наоборот, русские только тогда обрели свое лицо? **Возможен ли был иной поворот событий?**

Как оценивают октябрьский выбор западные историки?

Либералы считали Февральскую революцию исторической случайностью, которая была вызвана участием России в Первой мировой войне, политической слепотой Николая II и его окружения. Так, **П.Н. Милоков** утверждал, что революция не была неизбежной и предложенная «прогрессивным блоком» реформистская альтернатива вполне могла ее предотвратить, если бы дело не испортил царь, который был не способен на какие-либо компромиссы. С его точки зрения, главной движущей силой революции была либеральная интеллигенция.

В.А. Маклаков также отрицал закономерность событий 1917 г. Причину дальнейшего роста революционных событий он видел в ошибках либеральной интеллигенции: «Либералы не захотели ограничиться “исправлением” монархии и защитить ее от революции, а в ослеплении кинулись в объятия революции, не понимая, что либерализм мог существовать лишь в составе исторической монархии. Они открыли путь “интегральной революции”».

Редактор кадетской газеты «Речь» **И. Гессен** воспринимал Октябрь и Февраль как единый процесс, в котором «Февраль был чреват Октябрем, ради которого стихия Февраля разразилась настоящим праздником».

П.Б. Струве называл Февральскую революцию «историческим выкидышем».

В противовес приведенным мнениям некоторые современники считали революцию глубоко закономерной. Например, **Н.А. Бердяев** писал: «Мне глубоко антипатична точка зрения многих эмигрантов, согласно которой большевистская революция сделана какими-то злодейскими силами, чуть ли не кучкой преступников, сами же они неизменно пребывают в правде и свете. Ответственны за революцию все, тем более всего ответственны реакционные силы старого режима. Я давно считал революцию в России неизбежной и справедливой. Но я не представлял ее в радужных красках».

Его поддерживал **Л.П. Карсавин**: «Не народ навязывает свою волю большевикам, и не большевики навязывают ему свою. Но народная воля индивидуализируется в большевиках, в них осуществляются некоторые особенно существенные ее мотивы: жажда социального переустройства и даже социальной правды. Инстинкты государственности и великодержавия».

В западной историографии выделяются три этапа оценки революции:

I. 20–60-е годы. Отношения между СССР и западными странами были в данный период крайне сложными, преобладали антисоветские, антибольшевистские настроения. Западные исследователи доказывали бланкистскую сущность Октября 1917 г.

II. 60-е годы. Выяснили, что итоги Февраля и Октября глубоко закономерны. Например, книга А. Рабиновича «Большевики приходят к власти. Революция 1917 г. в Петрограде» доказывает этот вывод.

III. С социально-экономических тем анализ переместился на изучение психологии масс и отдельных групп. Одной из работ этого периода является двухтомник Р. Пайпса «Русская революция».

Советская историческая наука о событиях Октября 1917 г.

В 20-е годы Е.Н. Кривошеина, М.Г. Гейсинский, С.А. Пионтовский, являясь историками-марксистами, разрабатывали вопросы следующего характера: связь российского капитализма с западноевропейским и самодержавием, значение концентрации капитала, обострение классовых противоречий. Рост социальной напряженности на протяжении 1917 г. В основе подобных взглядов лежала доктрина В.И. Ленина, согласно которой главной причиной революции явилась критическая масса социальных противоречий. «...Никакое восстание не создаст социализма, — писал В.И. Ленин, — если он не созрел экономически...» Важнейшую субъективную причину возможности революции Ленин видел в наличии «закаленного в классовых боях» российского пролетариата, так как пролетариат «экономически и политически выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме».

Так сложилось историческое воззрение, основанное на отрывках произведений К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина.

Каким же образом объяснялись причины Октябрьской революции?

На рубеже XIX–XX вв. мировой капитализм вступил в последнюю, империалистическую стадию, что создало экономические предпосылки для российских революций. Дав в свое время мощный толчок развитию производительных сил, капитализм превратился в преграду на пути общественного прогресса. Максимальной остроты достигло основное противоречие — между

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)